

УДК 929.52

ДНЕВНИКИ СЕСТЕР САВОДНИК. Продолжение*

Подготовка текста и комментарии В.С. Савчука

Аннотация. Публикуемые дневники вели девочки-подростки, а позже – юные девушки Оля и Наташа Саводник, дочери московского профессора-филолога Владимира Федоровича Саводника. Он был однокурсником и приятелем Валерия Брюсова, сам писал стихи, но известность приобрел своими многочисленными учебными пособиями и хрестоматиями по русской литературе. Сохранившиеся части дневников относятся к июлю 1914 г. – декабрю 1920 г. (дневник Оли) и ноябрю 1915 г. – октябрю 1917 г. (дневник Наташи). Часть страниц дневников была вырезана в более позднее время, вероятно, их авторами. Дневники дают представление о воспитании детей в семье московских интеллигентов, о повседневном быте русской интеллигенции начала XX в., о восприятии событий Первой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны. Дневники позволяют проследить процесс взросления сестер Саводник и, следовательно, дают материал для понимания детской и юношеской психологии.

Ключевые слова: Ольга и Наталья Саводник, быт русской интеллигенции, воспитание подростков, Чернявская гимназия, Первая мировая война, революция 1917 г.

Савчук Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, v.s.savchuk@mail.ru.

* Продолжение. Начало см. в «Новое прошлое/The New Past». 2016. № 1. С. 192–211; № 2. С. 266–276.

DIARIES OF THE SAVODNIK SISTERS. (Continuation)

Editing and comments by V.S. Savchuk

Abstract. The diaries published here belong to teenagers and later young women Olya and Natasha Savodnik, daughters of Vladimir Fedorovich Savodnik, a philology professor from Moscow. He was a college friend of Valery Bryusov and also wrote poetry; however, he became famous thanks to his numerous textbooks and anthologies in the Russian literature. The surviving parts of the diaries were written in July 1914 – December 1920 (Olya's diary) and November 1915 – October 1917 (Natasha's diary). Some pages were cut out later, probably by the authors. The diaries give an idea about raising children in a family of Moscow intelligentsia in the beginning of the XX cent., about such families' everyday life, their perception of the First World War, the 1917 Revolution, the Civil War. The reader can follow the coming-of-age process of the Savodnik sisters and thus acquire a better understanding of developmental psychology.

Keywords: Olga and Natalia Savodnik, the everyday life of the Russian intelligentsia, raising teenagers, Chernyavskaya gymnasium, First World War, 1917 Revolution.

Дневник Наташи

17.II.1916. Среда. Москва

Встала как всегда в семь часов. У Оли сегодня свободный час, но встаешь теперь скоро, потому что, во-первых, светло, а, во-вторых, уже привыкли. Попила чай и отправилась в гимназию. Первый – немецкий. Мария Ивановна закатаила нам сегодня перевод, да еще в проверочных тетрадках. Ошибок сколько, наверное, насажала, вот после масленицы, наверно, принесет. Потом – рисование, за ним я не знаю, что делать, рисовать совершенно не хочется. Потом – арифметика. Вчера Любовь Валерьяновна всем почти лучшим ученицам поставила по двойке, сегодня она их еще не поправила. Большая перемена. Позавтракали, погуляли до звонка. Потом – русский. На масленицу нам дали выучить басню «Гуси». Нас сегодня спрашивали, кто хочет говеть в училище. Говеют у нас только пять человек. Мария Аристарховна хотела, наверное, уговорить всех девочек говеть на первой неделе, чтобы ей самой не приходиться, но у нас все-таки четырнадцать говеют не на первой неделе. Она рассердилась и нас всех наказала. Целый час мы простояли и, наконец, нас выпустили. Пришла я домой, поела и села читать. Почитала; пришла Анна Николаевна и велела учить уроки, выучила немецкий, и отпустили, наконец, душу на покаянье. У нас сегодня должны быть наши учителя. Я очень их пугаюсь, то есть смущаюсь. Папа накупил всякой всячины. Наконец, пришли Мария Ивановна и Антонина Афанасьевна. Я скорее убежала в свою комнату. В десять часов ушла я наверх и из окна смотрела. Наконец, легла.

Вторник 5.VII.1916 года. Лукино

Встали сегодня 20 минут девятого. Сегодня очень жарко, а, когда жарко, очень не хочется заниматься. Особенно сегодня: у нас французский диктант, а я ненавижу писать французские диктанты. Думала, что ошибок двадцать сделаю, но ничего – только десять, кажется. Потом почитала по французски, потом пошла играть на рояли. После обеда мы собрались к Тамаре, но прежде я сделала m-elle диктант по-русски, я с нею уже больше месяца как занимаюсь. Потом пошли к Тамаре. Жара страшная, а еще приходится все по лем идти. Я, Ляля и Коля впереди шли, а остальные позади. Мы пришли первые. У Тамары гости там, а я очень не люблю, потом всегда, как только придешь, не знаешь, что делать. Наконец, пришли m-elle, Сережа и Оля. Потом почайпили, потом пошли погуляли. Спустились к пруду, вдруг видим: кто-то в розовом бежит; m-elle думала, что это Коля, но он же не в розовом, оказалась Шурочка. Посидели немножечко, потом m-elle захотела посмотреть, что Коля делает. За ней ушла и Оля, а мы скорей убежали. Это всегда почти мы прячемся. Попрятались немного, потом пошли на двор, там увидели Олю с Таней. Мы решили, что нужно в чего-нибудь поиграть. Пошли звать мальчиков. Все пришли. Решили играть в «коты». Боря был котом, я мамой, а Тамара дочкой. Потом, когда кончили играть, ничего не делали. На дворе лежал насос. Боря и Коля Ш. взяли этот насос, налили воды и начали всех поливать. Мы скорей убежали. Пробежали за прудом, Ляля отстал, Оля уж давно убежала, остались только я, Тамара, Шурочка и Сережа. Потом мы прошмыгнули в комнаты и заперлись от них. В окнах были сетки, и они могли влезть через окно. Мы держим ручки от окон. Потом Ляля говорит: «Я сейчас

достану вам насос». И правда: через несколько минут он пришел с насосом. Мы его пустили через окно. Теперь у нас насос, и мы их обливаем. А они изо рта стали воду пускать. Наберут воды и плюнут. Мне Коля Ш. руку облил так. А Ляля Колю из насоса облил. Коля ушел. У него кашель, ему бы и не стоило принимать эту ванну. Но ничего, сделанного не воротишь. Потом пришла Оля и начала ругать Лялю и меня. Но мы же ничем не виноваты. Коля тоже плевался, а Ляля его облил. Но уже осаду мы прекратили. Скоро приехала лошадь. Юлия Семеновна просила нас, чтобы мы ничего не говорили дома, потому что нас больше тогда сюда не пустили бы. Наконец, мы сели на телегу и поехали. Василий был, значит, не очень весело, вообще я не люблю ехать на телеге с кучером. Приехали, сели ужинать. Потом я пошла собирать ягоды, набрала маленькую корзиночку. Пришла домой, почайпила и пошла спать. Сегодня у нас в комнате очень жарко было, и я долго не могла заснуть. Луна была очень хорошая. Всю комнату освещала. Наконец, я заснула.

Четверг, 21.VI.1916. Лукино

Сегодня проснулась часов в 6, а встала только в девятом. Погода сегодня стоит не такая отвратительная, как в те дни. Дождик[а] ни разу не было. Но сегодня, не знаю отчего, скучно что-то. Вчера я m-elle часы свои не дала, и не знаю даже отчего, а сегодня она на меня, кажется, дуется. Ну да подуется, да перестанет... Сели заниматься. Сегодня русский диктант с нами писал Ляля. Наделал он, наверное, ошибок пятнадцать. Во французском диктанте я сделала только четыре ошибки, это целое чудо, потому что всегда я делаю ошибок тьму тьмущую. Я уже выучила «Одинокий прохожий» Грига, «Мазурку» Шопена, Бетховена и первую половину Баха. «Шесть маленьких прелюдий». У нас Прасковья Николаевна гостит, так ей очень нравится «Одинокий путник». После обеда я пошла наверх и там просидела до чая. Я теперь читаю все время «Ниву»¹ и выискала там «Человек из волшебной сказки». Очень интересная история. Это из испанской жизни. Как один испанский матадор Герито влюбился в русскую барышню Нину Воронецкую. Я не знаю, отчего этот роман произвел на меня сильное впечатление, ничего там особенного нет, все кончилось счастливо, они поженились, а между тем мне чтой-то такое захотелось. Когда я вырасту большая, я непременно, если буду путешествовать, поеду в Испанию, чтобы посмотреть и бой быков, и саму Испанию. Как жаль, что у меня нет никакого таланта – ни писать, ни рисовать. После чая я пошла за ягодами, потом немного пошила. Я, когда что-нибудь делаю, где не нужно говорить, рассказываю себе длинную историю. Я давно хотела переложить мои мысли на бумагу, да начинала, а потом рвала. Теперь я пишу на своей азбуке, которую вряд ли кто поймет. Я пишу ее здесь для памяти. Листочек может легко затеряться, а дневник – вряд ли.

(Далее следует «конспиративная» азбука Наташи, в которой каждая буква русского алфавита обозначена другой, большей частью – латинской, буквой; например, «Г» – "V", «Д» – "L" и т.п. – В.С.).

Азбука у меня правда очень заковыристая, зато никто не поймет. Да если и узнает, кому охота разбираться в этой азбуке. Я уже почти хорошо ее знаю и уже могу читать по ней, понятно, с запинками, а пишу я и не смотрю в алфавит. Потом села

писать дневник. Потом позвали ужинать. Есть совершенно не хочется. Съела только тарелку каши и все. Потом села опять писать дневник. Я не знаю, но мне очень хотелось бы быть на месте Нины Воронцовой², чтобы перенестись туда. Мне это очень хочется только тогда, когда книга уже очень понравится. Я могу тогда читать этот рассказ сколько угодно. Оля говорит, что это оттого, что я очень невнимательно читаю, но это неправда. Почему же мне все равно хочется перечитывать то, что я уже прочла раз десять. Вообще Олины мысли очень часто не угадывают. Потом села писать свой рассказ. Называется он «Сергей Горин». Я там записываю свои мысли. Потом, если сделаю большой, интересно все-таки будет прочесть и дневник, и мой роман. Оля выбирает головки для рисования, я посмотрела ей тоже головки, потом пошли вниз, попили чаю. Я пошла наверх. Вечер сегодня был очень теплый. Потом легла спать, хотя было полчаса десятого, заснула сегодня, наверное, в десять часов.

Воскресенье. 24.VII.1916. Лукино

Сегодня мы, значит, не учились. По праздникам не знаешь, что делать, а по будням учиться все-таки не хочется. Встали, кажется, в девять часов. Потом Людюшка пригласил гулять, я согласилась. Мы пошли на Горбушу, потом перешли канавку и пошли. Зашли в большой лес, там поплутались, потом вышли к сторожке, потом повернули, наконец, по верной дороге. У меня на дороге страшно плохая память. Мы прошли, наверное, верст десять. Вернулись – уже полчаса первого. В час обедаем. У нас сортирная яма переполнилась, а вычерпывать никто не идет, так и приходится ходить наружу. Я пошла в Петин лесок (*несколько слов специально замазано – В.С.*) собирать ягоды. Вернувшись домой, немножечко написала моего романа. Я его теперь не на моей азбуке пишу, потому что надо его поправлять, а я читать по ней почти не умею, писать-то я умею, а читать – нет. Потом пошла чай пить. В четверг, кажется, приезжала Анна Николаевна и привезла конфет. После чая собрались все гулять. Тетя Кланы отказалась; пошли Анна Николаевна, m-elle, Прасковья Николаевна и нас четверо. Я с Влодюшкой в последней паре пошла. Потом мы сговорились бежать, но бежать не пришлось, потому что заметили да нас с миром и отпустили. Мы пошли домой. Там взяли тетю Кланю и пошли на луг. Мы с Влодюшкой все время впереди шли. Потом они пошли по реке, а мы свернули и пошли к обрыву, они хотели тоже туда идти. Не доходя до обрыва, мы влезли на дуб и там сидели. На этот дуб мы лазили еще в прошлом году и рвали желуди. Потом пришли они, мы слезли и пошли вперед. Там за обрывом есть лощинка, мы туда спустились. Потом побегали немножко. Потом пошли домой. Я с Влодюшкой далеко ушли от них. Мы все время разговаривали. Пришли мы в семь часов. Потом пришли они. Мы поужинали. Оля хотела встречать няню, которая ездила сегодня на станцию, у нас Василий ушел, а надо было свезти тетю Мотю и Шурку, который едет в имение. Но мы не пошли. Няня уже приехала. Потом посидели наверху на балконе. Оля просила Влодюшку дать нам прочесть его стихи. Он не соглашался. Потом он сказал, что согласится мне прочесть стихи только с тем условием, чтобы я прочла ему главу из моего романа. Я ему прочла. Он прочел мне. У него два стихотворения написаны в честь Тани Казачкиной. Он ей письмо даже в стихах послал. Мы с ним адрес еле-еле добыли. Потом пошли чай пить, потом пошли опять наверх. Я ему не только одну главу прочла, но еще рассказала мои планы, и он прочел еще несколько глав. Потом я пошла спать.

Воскресенье. 31 июля. Лукино

Сегодня проснулась полчаса восьмого, а встали только без четверти девять. Сегодня лепешки; когда лепешки, мы всегда встаем рано, только сегодня опоздали. Попивши чаю, я пошла гулять. Прошлась по лесновской дороге. Потом вернулась домой. Позвала m-elle играть в городки, она выиграла. Коля позвал ее к пруду, а я пошла читать. Хотела сесть на балконе, но там такой аромат нехороший стоит от ямы. Я и ушла. Пошла с книжкой на две лавочки. Почитала там, потом пришла Оля, села на лавку и начала читать, потом она ушла, а я осталась, потом уже читать больше не хотелось, пошла домой. Положила книжку и пошла вниз. Там посидела на зеленой скамейке, и позвали обедать. Была сегодня кулебяка с грибами. После обеда пошла с Володей в его комнату, и мы стали издавать «Первоцвет» (наш журнал, который мы издаем с пятницы)³. Володя поместил туда свое стихотворение, которое я для памяти помещу сюда. Вот оно:

Наступление весны

*Когда теплей лучи денницы,
Когда из дальних южных мест
Летят ликующие птицы,
Когда ручьи журчат окрест,*

*Когда под солнцем наливая
Зачаток будущий листа,
Стоит береза молодая,
Когда лазурь тепла, чиста,*

*Когда зелено бархатной травой
Весна пригорки одевает,
Когда подснежник голубой
В саду под липой расцветает,*

*Когда среди деревьев проснувшегося леса
Уже пернатых слышен гам,
Когда зеленая завеса
Густеет с днями по кустам,*

*Когда, в одном сливаясь привете,
Все славит дивную весну,
Тогда, позабывая все на свете,
Я жизнь одну с природою живу.*

У него еще много стихотворений. Мне больше всего нравится «Греция». Я поместила в первый № «Ночь», которую написала 28-го июля, я ее помещу в книжку, где я пишу все свои сочинения. Во втором номере я помещу «Под диваном». Только мне эта совершенно не нравится, но Володюшка захотел. Мы издаем четыре

экземпляра. Потом Володя ушел кататься на лодке, а я осталась писать. Написала все, кроме картинок. Потом пошла вниз, там почайпила и пошла наверх, там села писать дневник. Потом пошла вниз, там взяла Володю и пошла наверх, в его комнату. Сели писать журнал, пришел Ляля. Потом пришел Шурка. Володя уж его выселил, но не выселил. Мы пошли в нашу комнату. Там сели. Но Володюшка и Ляля не хотели рисовать. Мы пошли вниз и дали один журнал тете Моте, а другой Оле. Потом я пошла наверх. Там почитала. И позвали ужинать. После <нрзб> папа должен был уехать. Мы посидели с ним, потом пошли смотреть, как нянька <нрзб>. Она сидела на пролетке, и очень чудно казалось. Но она очень рано подала лошадь, так что ей пришлось просидеть целых полчаса. Мы уселись в пролетку, потом вылезли и пошли к папе. Наконец, папа уехал. Я пошла наверх и там почитала, потом пошла вниз, там выпила молока и пошла наверх писать маме письмо. Написала целых четыре страницы. Потом вложила в конверт еще бумажку с Володиными стихотворениями. Потом пошла и отдала письмо тете. Потом пошла наверх и легла.

Среда. 10-го августа 1916 года. Лукино

Я вчера легла спать у m-lle. Заснуть я долго не могла, во-первых, мы все время смеялись, да потом никак на новом месте скоро не уснешь. Проснулась полчаса седьмого, а встали в восемь. Когда сошла вниз, ничего не было еще готово. Потом пошла наверх, там взяла «Записки охотника» и пошла читать на балкон. Потом пошла в комнаты. Вчера и сегодня меня такая скука разбирала, и сегодня тоже, но уже не так, а тогда ничего делать не хотелось. Потом пришла тетя Кланя, и мы стали писать диктант. Потом я пошла играть на рояли, а Оля училась с m-elle. Я уже учу «На родине» Грига. Потом я пошла читать с m-elle. Я читаю «Petite mere». «Lans famille» я уже кончила. Потом пошли обедать. Потом пошла наверх. Скоро пришла m-elle, и я пошла учить ее русскому яз[ыку]. Заставила написать ее глагол «ходить». И без моей помощи. Сегодня все же вывезла она. Потом почитали мы с ней. Мы читаем «Иринкино счастье»⁴. Она сегодня никак не могла произнести «нагруженные», а произносила как-то «нагрувожденные». Нам осталось прочесть только две главы, но надо будет окончить еще две книги. Потом пошла читать. Никак не могла себе места найти. Пойду на две лавочки, там комары едят, а сюда приду – никак не читается, но все же четыре рассказа, кажется, прочла. Потом села писать мой дневник. Сегодня я одну главу моего романа написала. Он у меня подвигается довольно-таки хорошо. Потом хотела поиграть в куколки. Мы завчера (*так в тексте – В.С.*) и позавчера в них с Лялей играли. Вот мы всегда придумываем игры вроде таких. Я очень люблю в них играть. Никто так не умеет играть, пожалуй, как мы. Иногда к нам Сережа пристаёт. Тогда мы втроем. Вот Оля: она хорошо не знает играть. По-моему, она смеется над этим, а это не совсем хорошо. Вот в прошлом году мы играли в «Запорожцы» и ездили верхом на палочках. Оля пришла. Мы ей объяснили, потом дали лошадь, а она говорит: «Да разве это лошадь, ведь это палка», а потом начинает смеяться, а Ляля ей вторить начинает. Я не хотела одна играть, звать Лялю все-таки стыдно. Я пошла к m-elle. Хотела с нею поиграть, но она не умеет. Мы с Лялей словно понимаем друг друга, оттого у нас все и идет очень хорошо. А другие так не умеют. Потом взяла «Горе от ума» и села читать. Потом позвали обедать. После ужина я взяла опять «Горе от ума». Почитала немножко, потом села

писать дневник. Потом пошла вниз. Там тетя Кланы принялась меня тискать, потом пошли в столовую. Там начали вспоминать свое детство. Это очень интересно, но жаль, что я начинаю вспоминать себя слишком поздно, да и то отрывками. Потом попила чай и пошла наверх. Там почитала немножко и, наконец, легла.

Четверг. 11-го августа 1916 года. Лукино

Сегодня проснулась полчаса седьмого. Лежать мне очень не хотелось. Я встала. Потом пошла кормить кроликов. Потом напилась чаю. Потом пошла наверх. Сегодня Анна Алексеевна с Лялей, Сережей и Лелей едут в Москву. Я пошла посмотреть, как укладывали вещи. Потом m-elle позвала нас писать диктант. Сделала только пять ошибок. Потом почитала по французски и пошла играть на рояли. Потом позвали обедать. После обеда пошла наверх. Мы проводили их, и я пошла к m-elle, и мы сели учиться. Нам только одна глава осталась. Зато ошибок в диктанте m-elle сделала массу. Потом пошла читать. Как только они уехали, пошел дождь. Так скучно было. От нечего делать принялась я лущить подсолнухи. Потом съела их и пошла вниз. Там посидела немножко на террасе, попила чай и пошла наверх. Там прочла «Живые мощи», потом принялась опять лущить подсолнухи, потом пошла на балкон. Там побаловалась немного и пошла вниз. Скоро пошли ужинать. После ужина пошла немного погулять. Когда возвратилась, пошла в гостиную. Там Оля с m-elle в карты играли. Я села за рояль. Сыграла несколько пьес и, между прочим, никак не могла вспомнить русский гимн. Наконец, вспомнила. Потом пошла в столовую. Там сели играть в «короли». Я осталась принцем. Потом сели с m-elle играть в кабалу. Я выиграла, потом я пошла наверх, скоро пришла и m-elle с Колей. Потом села писать дневник и, наконец, легла.

Пятница. 12-го августа 1916 года. Лукино

Сегодня встали в восемь часов. Я пошла кормить кроликов, потом почайпили. После чая я пошла наверх. Была очень хорошая погода. Тетя сказала, чтобы мы сейчас отправлялись гулять. Мы собрались и пошли. Пошли сперва в Орловку, потом – в Соколовку, а потом уже домой. Мы дороги-то не знаем, так что приходилось спрашивать. В Орловке три пруда, но они все почти запущены. Там есть такая маленькая площадка, обсаженная кругом елями, а под одним боком пруд, с другого – дорожка, заросшая травой, и пруд, тоже заросший. В Соколовке ничего особенного нет, только там пруды совсем запущены, так что все заросли травой, и там ее косят. Мы спросили дорогу в Леонику. Нам показали, мы и пошли. Сперва лесом шли, долго-долго. Потом вышли на вырубку. Я бы не устала, но у меня туфля ногу натерла, так что пришлось снять ее и идти в калоше. В час мы пришли домой. Мы ходили только два часа с половиной, а бабушка сказала, что мы прошли верст 18, и они нас ждали только к трем часам. Пообедав, я пошла наверх. Уселась и ничего не делала, потом пришла m-elle и начала мне читать. Потом я почитала. Потом позвали чай пить. За чаем были домашние тянучки. После чая я пошла наверх. Там начала надевать куклу. M-elle пока Оле читала. Потом пошли ужинать. После ужина я пошла наверх. Начала m-elle читать по русски, потом пришла Оля и начала читать по французски. Я ждала-ждала, она все читала и читала. Она это нарочно делала. Когда только темно сделалось, она перестала. Потом я почитала m-elle, «Иринкино

счастье» мы уже кончили. Потом Оля с m-elle принялись танцевать. Я танцы никак не понимаю и не знаю их никогда. Потом пошли вниз. Сегодня мы собрались ехать завтра в Щелково, покупать яблоки, муки и т.д. Потом я пошла наверх. Пописала дневники и легла спать.

Вторник. 16-го августа 1916 года. Лукино

Встала сегодня четверть девятого. Встала и пошла пить чай. После чая пошла посмотреть кроликов и дала им травы. Потом пошла наверх. Сегодня должна уйти тетя Мотя на станцию. Мы пошли ее провожать. Проводили за Анискино, потом пошли на Городище. Мы в Анискине купили подсолнухов и грызли их почти всю дорогу. Посмотрели в Городище плотину и пошли назад. Нам пришлось переходить через Студенку. Мы пошли там, где она впадает в Клязьму, а то там есть еще два мостика, но по одному совершенно нельзя пройти, а к другому очень дорога плохая. Там, где мы переходили, было только три жердочки, да и то к концу две опускались в воду. Я, понятно, почерпнула немного воды, но прошла все-таки ничего. Когда мы вернулись домой, я пошла наверх и принялась грызть подсолнухи, пока не позвали обедать. После обеда пошла с Колей малину есть, немного поела и пошла наверх, там уселась на балконе. Сегодня должны уехать дядя Ваня и дядя Леня. Я подождала, пока они не уехали, и, когда уехали, пошла в комнату. Погрызла подсолнухи и пошла немного погулять. Но скоро вернулась. Пошла наверх. Скоро ко мне пришла m-elle. Она заставила меня читать по-французски. Я прочла 3 страницы, но читала их, наверное, больше полчаса, потому что мы все время хохотали. M-elle хочет быть серьезной, а я ей не даю. Я не могу передать, как мы говорили, но мы смеялись так, что даже больно в животе было. Я всегда говорю так: «M-elle, а m-elle! Vous etes une rolle»; m-elle начинает смеяться, а я ей говорю: «Я Вас в “желтый дом” посажу и белую рубашку надену, это будет так красиво на фоне “желтого дома”». M-elle прямо так и заливается. Я начинаю тоже смеяться. Потом продолжаю дальше⁵. Потом m-elle мне дочитала главу. Я почти всегда угадываю, кто приходит или приезжает, или что случится. Потом я пошла читать m-elle. «Иринкино счастье» мы уже кончили, а теперь начали «На заре жизни». Это все про Ирину, но когда ей уже было лет 17. Потом пошла в свою комнату и принялась читать Лермонтова. Потом позвали ужинать. После ужина я пошла наверх, там погрызла подсолнухи и пошла вниз. Села поиграть на рояли, потом пошла в столовую. Оля и m-elle, как всегда, играли в безик. M-elle сегодня не выиграла, это видно еще издали, как помотришь на ее лицо, до того оно серьезно. И она всегда утыкается в карты. Попив чай, я пошла наверх. Коля ложился спать, мы побаловались немножко. Потом я пописала дневник и, наконец, легла.

Среда. 17-го августа 1916 года. Лукино

Встала сегодня в восемь часов. Сегодня такой чудной сон видела. Мы стоим на террасе внизу. Оля с Ирой принесли кролика и сказали, что у него во рту рана, а за забором деревенские мальчишки собрались и кричат, чтобы мы им отдали кролика. Потом мы пошли в столовую. Кролика посадили под стол. Вдруг два деревенских мальчишек пришли и уселись. Здесь бабушка была. Она на окне грибы мариновала. Мы начали ругаться с мальчишками. Бабушка смотрит и смеется...

Больше ничего не помню. Потом пошли вниз пить чай. После чая я пошла в гостиную и села читать «Ниву». Хотя там рассказы не очень-то хорошие, но от нечего делать почитать можно. Потом пошла наверх. Там принялась лущить подсолнухи. M-elle Оле читала по-французски. Потом я пошла читать m-elle. До обеда мы кончить позабыли. После обеда мы dokonчили "Petite mere". Потом взяла Лермонтова и прочла «Княжна Мери». Потом пошла пить чай. После чая пошла немножко погулять, но скоро вернулась, потому что было очень ветрено, да при том еще и холодно. Пошла наверх. Посмотрела, что m-elle делает. M-elle читает, а Оля укладывает книги. Пошла в свою комнату и села писать дневник. Через три дня мы, наверное, уезжаем отсюда. Уезжать не хочется, а учиться – еще того более. Да потом как-то странно уехать из Лукина, быть может, навсегда, никогда больше не увидеть ни дома, ничего. А все-таки кажется, что когда-нибудь сюда приедешь еще и будешь жить как всегда. Потом пошла к m-elle. Там мы поболтали. Потом позвали ужинать. После ужина я стала смотреть «Ниву». Оля с m-elle, как всегда, уселись играть в безик. Я удивляюсь, как это им не надоест. Я и одной партии dokonчить не могу, а они несколько раз подряд. Потом пошли мы наверх. Коля ложился спать, мы опять начали баловаться, как вчера. Потом я пошла писать дневник и, наконец, легла.

Пятница. 2-го сентября 1916 года. Москва

Сегодня ночью приехала, наконец, мама. Мы ее встречали. Легли только в два часа. В гимназию, понятно, не пошли. Встали только в девять часов. Тотчас же пошли к маме. Ее поместили в столовой, потому что дом у нас не топят, а в столовой есть камин. Татьяна Дмитриевна приехала с ней. Они привезли груши и виноград, а нам по персику. Мы немного поговорили и пошли пить чай. После чая мы пошли опять к маме. Там начали вытаскивать груши. Они были такие большие. Каждому отделили по две груши. Потом мы пошли наверх и позвали бабушку. Мама рассказывала про Саки. Очень рядом с ней чудной генерал жил. Он ей фокус один из карт показал. Он тасовал карты, потом говорил: «Какие фигуры Вы себе выбираете?». Выберешь, например, даму и валета. Он говорит: «Какую отбрасываете, а какую себе оставляете?». Оставишь даму – выкинешь валета. Он тогда говорит: «Дама червей пойдя сюда». Потом предлагает снять первую карту, она и оказывается дамой. Мама просила, чтобы он рассказал ей, как он делает этот фокус, а он говорит, что он заплатил за этот фокус сто рублей. Если она заплатит тоже, то он ей покажет. Татьяна Дмитриевна, наконец, начала думать, что он глаза отводит. Он бегаёт за дамами, так Татьяна Дмитриевна начала его пугать, что он избегается совершенно, что он и так похудел. Он очень испугался и на два дня перестал, а потом опять. Потом она рассказывала: «Сидишь, бывало, на скамейке, он подойдет и начнет говорить. Потом вдруг встает и говорит: "Я Вам уже визит нанес, теперь пойдю к другой", и пойдёт к другой даме». С такими людьми интересно встречаться. Потом мы сели обедать. После обеда я пошла в свою комнату. Там села читать. Потом нас погнали гулять. После гулянья я села было опять читать, но m-elle начала читать мне по-французски. Потом я села опять читать. Потом позвали ужинать. После ужина я засела читать. Потом пришла Тамара. Мы начали играть в «привидения». Потом Тамара пошла наверх, а я принялась опять читать и только полчаса одиннадцатого легла спать.

Суббота. 10-го сентября 1916 года. Москва

Встала сегодня в семь часов, попила чай, собрала книги и пошла в гимназию. Я сижу на парте одна. На переменах хожу с Барабановой и Киликовской. Барабанова, может быть, завтра придет ко мне. Сегодня мы, может быть, пойдем в цирк. Географии у нас сегодня не было. Мы очень обрадовались и подняли такой гам, что Мария Аристарховна нас наказала. Наконец, нас отпустили. Уроков сегодня очень мало. Сделав уроки, я села читать, чтобы как-нибудь сократить время. Всегда, когда куда-нибудь едешь, время кажется ужасно долгим. Сели ужинать. После ужина пришла Таня Казачкина, она тоже идет с нами в цирк. Нас идет восемь человек: m-elle, Оля, я, Коля, Таня, Ляля, Сережа и Тамара. После ужина, наконец, пошли. Ляля, Сережа, m-elle и Коля поехали на извозчике, а мы пошли пешком. Они приехали скорей, чем мы. Наконец, пришли, уселись. Четверть часа пришлось ждать. Первый номер: человек на трех лошадях. Ничего особенного он не представляет. Три лошади идут гусем, а он сидит на последней. Всего больше мне понравились атлеты на двух лошадях и тройка. Атлеты – это были два брата. Один стоит на двух лошадях, а другой проделывает всяки фокусы. На это надо же громадную силу и ловкость. Потом были трапеции. Барышня влезла на самый верх и там поставила стул на трапецию только двумя ножками и стала играть на каком-то инструменте. Ей ужасно аплодировали. Но все же мне больше понравились атлеты, особенно младший, который проделывал все фокусы. Тройка это представляет русские сани. В них сидят боярышни и молодые боярины. Сперва они поют. Потом снимают шубы. И начинают показывать разные фокусы. Опять между ними оказываются атлеты. Старший опять стоит на двух лошадях, а младший – девушки лезут ему на плечи. Они так и уехали, стоя на лошадях. Последним номером были львы и тигры. Все обошлось благополучно. Пришли домой. Ляля и Сережа пошли к себе, мы – к себе. Как пришла, я попила чай и легла спать. Сегодня было прямо чудесно (далее в дневнике «зашифрованный» фрагмент – В.С.).

Четверг. 22-го сентября 1916 года. Москва

Встала сегодня, как всегда, в семь часов. Погода сегодня все-таки хорошая, хотя на крышах иней лежит. Попила чаю, собрала книги и пошла в гимназию. Первый урок французский. Сегодня меня m-elle Deis (? – нрзб.) вызвала. Я ей отпраповала. Поставила «пять». Потом арифметика. Любовь Валерьяновна сегодня что-то не в духе. Задала нам проверочную. Я-то в арифметике совершенно не сильна. Задачу я, понятно, не сделала. Ну, ничего, поставит «два» или «кол» – и успокоюсь. Потом русский. Написали объяснительный диктант – и звонок. Большая перемена. Позавтракали и пошли гулять. Потом немецкий. Немка меня вызвала. Влепила «пять». Потом пошли домой. Уроков у меня сегодня нету. M-elle мне почитала по-французски. Потом мы пошли чай пить. Сегодня нас Анна Алексеевна приглашала идти в Малый театр. Идут «Волки и овцы». Я эту пьесу читала. Всегда, когда куда-нибудь идешь, не находишь никакого дела, так и теперь проболталась, ничего не делая до ужина, только переоделась. После ужина мы пошли. Жаль, что m-elle не пошла. Ей Оля говорит, что у нас три места, а она не хочет. Пришли мы. Они еще не приехали. Уселись, а они и припожаловали. Ждать пришлось недолго. Сегодня мы приехали как раз вовремя, а то всегда забираемся за полчаса до начала. В восемь

началось. Мурзавецкого играл Яковлев, Глафиру – Шухмина, Чугунова – Правдин, Купавину – Найденова, тетку ее – Садовская и дворецкого – Сашин. Вот Садовская, какая хорошая артистка: два слова скажет, а уже смеются. Позабыла только, кто играл Мурзавецкую и Лыняева. Во втором действии очень хорошо играли Яковлев и Шухмина. Беркутова играл Садовский. Он был ужасно похож на Калаша. И зачем это он так загримовался? Горецкого играл Музиль. Оля сперва приняла его за Садовского, да и правда ужасно похож. В последнем действии все хорошо играли. Мне только не очень нравится Мурзавецкая. У нее, по-моему, голос должен быть другой. Вообще я ужасно люблю театр⁶. Больше всех удовольствий: мне хотелось бы пойти в актрисы, да нужен ведь талант, и у меня его не имеется. Да потом и страшно, а все-таки хорошо. Мне Малый больше нравится, чем Большой. У нас папа, слава Богу, абонементы в Малый и в Большой взял из гимназии, а то плохо бы было. Кончилось в 12 часов. Приехали домой и завалились спать.

Четверг. 13-го октября 1916 года. Москва

Я с прошлой субботы не ходила в гимназию – изволила кашлять, но сегодня отправилась. У нас в гимназии дело происходит очень большое: во-первых, Любовь Валериановна уходит, говорят, от нас совсем, а, во-вторых, у нас будет по истории репетиция. Екатерина Николаевна прямо сошла с ума. Дала повторить все пройденное, да еще выучить ей три страницы. Первый урок французский: за ним скучно, как я не знаю как. Читали грамматику и ехегсісе объясняли. Потом – арифметика. Любовь Валериановна пришла сердитая. Велела нам делать задачу, а сама начала спрашивать. Я, о чудо! Сделала задачу, да не одну, а целых две, а я, надо признаться, метрическую систему понимаю плохо, то есть так-то я понимаю, а вот не знаю, куда десятичные дроби девать. Вызвала она человек около двадцати. Поставила около десяти двоек, и только одну пятерку. Потом – русский. Его не было. Наталья Павловна начинает пропускать уроки, ну и что ж. И слава Богу! Потом большая перемена. Позавтракали и пошли гулять. Киликовская там все время рассказывает. Я ей, по правде сказать, не очень-то верю, но скуки ради слушать можно. Потом – немецкий. Немка лопочет все время по-немецки, а ее почти никто не понимает. Я вот по-немецки почти ничего не понимаю, а по-французски почти все. Вызывала рассказывать. Я урок-то почти не учила. Ну, да она меня уже вызвала, я теперь немножко успокоилась. Наконец, отпустили. Пришла, позавтракала и села учить историю. Потом пришла m-elle с Колей с гулянья и мне m-elle начала читать по-французски, но она не дочитала, Оля пришла звать ее учить с нею урок, а я пошла играть на рояли. Поиграла. Пошла, m-elle мне почитала, потом я ей почитала по-русски. Я ей читаю «Царь-девица», Соловьева⁷. Ей очень нравится. Потом пошли обедать. После ужина я ответила Анне Николаевне немецкий урок и начала списывать. Списываю я много. Теперь начала списывать «Сон Татьяны». У меня начато много тетрадей, да ни одна не окончена. Потом села писать дневник и, наконец, уж легла.

Пятница. 14-го октября 1916 года. Москва

Встала сегодня в семь часов, попила и пошла в гимназию. Первый урок – история. Сегодня должна быть репетиция. Все ужасно боятся. Да, слава Богу, что начальство не пришло. Да потом это, по-моему, не репетиция. Мне и некоторым другим дали

писать, другие стали отвечать устно. Мне досталось писать о религии египтян. Наваяла плохо. У меня ужасно слог плохой, всегда так нескладно пишу. Потом немецкий, скучно на нем, так же, как и по французски. По французски принесли тетради. Я не писала. Все почти написали плохо. Наконец, большая перемена. Пошли гулять. Потом – русский. Наталья Павловна пришла. Мы перед уроком покричали порядочно, нас оставили. Потом – пение. Я едва могла петь, потому что кашляла. Нас заставили посидеть немножко и, наконец, отпустили. Пришла домой. Позавтракала и села учить уроки. Все выучила. Потом пошли к Брюсовой. Сегодня мы обе ходили. Позанимались теорией и начали петь. Мы поем теперь «Царя Салтана». Мы его, наверно, представлять будем. Я пою царицу, Оля – Бабариху. Но мне не хотелось бы представлять. Все у нас такие маленькие, а мы самые большие, так что это очень заметно. Наконец, спели все и отпустили нас домой. Пришли и начали обедать. Потом начала списывать, потом поиграла немножко на рояли. Мы в воскресенье пойдём в Большой театр на «Жизнь за царя». Потом почитала немножко и пошла спать.

Воскресенье. 13-го ноября 1916 года. Москва

Как давно не брала я свой дневник! Положим, не было ничего интересного, а сегодня мы идем в Большой театр. Идет «Майская ночь». Это был мой первый театр. Мне было тогда 6 или 7 лет, но я отлично теперь вспоминаю. В театр мы пришли не очень рано. Сегодня играют довольно хорошие актеры, зато «Жизнь за царя» актеры все были плохие. Левко играл Богданович. Поет он ничего. Но, по-моему, у Зимина было лучше поставлено. В Большом очень хорошая декорация первого действия. Это вышло как настоящая картина. Они еще обнимались через забор, а это всегда так рисуют. Декорация остальных действий, по-моему, у Зимина⁸ была лучше. Пришли мы домой, поели, и я села записывать. Завтра мы идем к Надежде Яковлевне. Там у нас будет репетиция «Царя Салтана». Потом села писать мой роман. Я его уже начала снова, потому что Влodyшка, которому я его прочла и даже сказала, что дальше будет, разгласил его своим товарищам. Теперь я совсем изменила план. Потом почитала до ужина. После ужина мы стали примерять костюмы. Потом мы почайпили, и я пошла спать. Завтра в гимназию не идти: именины Марии Федоровны.

Воскресенье. 27-го ноября 1916 года. Москва

Сегодня мы пошли в Малый театр. Я не буду описывать весь день, а только напишу про театр. Теперь я только тогда и пишу дневник, когда ходим в театр. У меня с этого года все почти театры записаны. Шло сегодня «На бойком месте»⁹ и «Мнимый больной»¹⁰. У меня в книжечке записано, какие артисты играли. «На бойком месте», все играли хорошо. Найденова играла прелестно. Но ее очень жалко было. Да вообще прямо слезы на глаза навертывались. Садовский играл тоже хорошо. Пашенная тоже играла ничего. Декорация мне не очень нравилась, только вот в последнем действии ничего. В последнем действии очень страшно, когда Безсудный бросается с ножом на Миловидова. Последнее действие, по-моему, самое хорошее. У меня есть карточка Садовского, «На бойком месте». «Мнимый больной» шел не так хорошо. Мы один раз видали в Художественном,

там лучше было. Правдин очень хорошо играл, остальные все средне. В Художественном и постановка была лучше. Там зараз было видно, что это комната больного. Там были по стенам полки, а на полках всякие скляночки-баночки, да и играли там лучше. «На бойком месте» мне бы хотелось видеть еще раз. Так жалко было, когда кончилось. Всегда очень не хочется уходить из театра. Если бы у меня был талант, то я бы непременно пошла на сцену. Всего лучше играли Садовский и Найденова. Но я не думала, что Найденова может играть Аннушку.

6-го декабря 1916 года. Москва

Сегодня Колины именины. Сегодня мы в гимназию не идем, хотя я уже не ходила с того понедельника. Сегодня у нас репетиция в одиннадцать часов у Надежды Яковлевны. Мы ставим «Царь Салтан». Я пою царицу, Оля – Бабариху. Очень интересно на этих репетициях. Сегодня я выхожу в первый раз. Мама запретила на улице говорить. Сегодня репетировали вступление, первое действие и последнее. Последнее вышло, по-моему, всего лучше. Сима вот ничего поет, она поет Гвидона. Потом пошли домой. Пообедали. Потом пришли гости. Я села учить уроки. Потом, наверное, целый час ничего не делала. Иногда хочется с кем-нибудь поговорить, да не с кем. Я ужасно люблю говорить о театре. Когда летом этим мы собирались и тети вспоминали про свои времена, когда они ходили в театр, я очень любила слушать. Потом ответила m-elle французский, и пошли ужинать. После ужина села играть на рояли. Потом почитала и пошла спать.

Среда. 14-го декабря 1916 г. Москва

Сегодня у нас репетиция у Брюсовой. Мы будем играть первый раз в костюмах. Очень интересно увидеть чужие костюмы. Надо было собираться к пяти, чтобы успеть одеться. Мы пришли пораньше. Еще никого не было, кроме Юры (нашего декоратора) и его брата Андрюши. Андрюша в этом году начал учиться у Надежды Яковлевны. Он поет корабельщика. Мы начали помогать Юре привешивать декорации. Потом пришли сестры. Это было прямо необыкновенно, Оля и Надя всегда опаздывают, а тут пришли вторыми. Потом начал собираться народ. Наконец, пришла Надежда Яковлевна, и мы начали переодеваться. Олечка (маленький царевич) очень хороша в своем костюме, только Сима взяла у нее шапку, а сама не пришла. Она всегда опаздывает. Наконец, пришел Гуля (царь Салтан), и мы начали. У Гули костюм хороший, но только красный, лучше, если бы был он другого цвета. Вступление прошло ничего. Никто не соврал. Начали первое действие. Вот тут уж все пошли врать. Нянюшки позабыли, где им надо начинать. Сережа (гонимый) пел сегодня ужасно. Дьяки не начали, когда нужно. Я, понятно, соврала «волну». Но там ужасно трудно вступать. Поставили второе. Сима только недавно пришла. Она заявила, как всегда, Надежде Яковлевне, что она осипла, хотя, по-моему, ничуть. Начало прошло ничего, только Сима позабыла, как петь «Где бы стрелку мне достать». Но когда появился город, то тут у нас все пошло неверно. Во-первых, когда меняли декорацию, то зажгли свет, во-вторых, ни Сима, ни я не начали верно. Третье действие мы не поем. Уселись мы в первых рядах, начали смотреть. Для начала Гуля закрылся рукой от публики; он, наверное, позабыл, что этого у нас делать не позволяется. Мы тогда ему сказали, ну, он послушался. Потом

Надя (ткачиха), когда начала петь «Ай, помогите, ради Бога», все не в такт музыке пела. Наконец, уладили это. Корабельщики сегодня тоже пели не очень-то хорошо. Наконец, последнее действие. Там только хор позабыл, где вступать «Здравствуй, царь Тмутаракани», и Гуля позабыл, «Где ж, скажи, твое дитя». Остальное все хорошо. У Маруси (Лебедь) очень хороший костюм. Он, наверно, шелковый белый. Белый атласный кокошник, на него наклеена звезда. И белая длинная фата. Она спадает вроде крыльев, а костюм по борту обшит блестками. Может быть, в воскресенье будет генеральная репетиция, и на ней будет Степанова. Вот, наверно, Марусе будет страшно.

Пятница. 16-го декабря 1916 года. Москва

Сегодня очень плохая погода. Ничего особенного не случилось, только у Надежды Яковлевны Гуля заболел. У него только в прошлом году было воспаление легких, а теперь у него что-то вроде. И если бы он не ходил к ней несколько дней, а то так внезапно, только вчера мы, все солисты, были у нее. Это ужасно, досадно. Хотят царем Салтаном сделать Колю, а, по-моему, тогда лучше даже сделать Сережу, но только не Колю. Ну, какой он царь Салтан. Во-первых, поет ужасно тихо, а, во-вторых, и не похож. Противный это Гуля, ну, заболел на самом интересном месте. Всю охоту играть отбил. Мне теперь совершенно не хочется играть. Дурак он совершенный. Положим, я все-таки надеюсь, что он, может быть, придет, вот было бы хорошо. Хотя он поет не очень-то хорошо, но он сам больше подходит к царю, а наш Николай... Было бы ужасно хорошо, если бы он пришел. Ну, завтра можно и без него, но на спектакле лучше было бы. Меня это ужасно ошеломило. И, главное, досадно, вчера был, а теперь в постели лежит. Может быть, он вчера распрыгался у нее очень, а потом вышел на улицу и его схватило. Это ужасно гадко. Вечером Надежда Яковлевна сказала по телефону тете Моте, что Коля не будет петь, что нашли барышню, которая может спеть. Завтра у нас репетиция, будет петь новый царь Салтан.

Суббота. 17-го декабря 1916 г. Москва

Сегодня у нас у Надежды Яковлевны репетиция. Мы позвали Лялю и Сережу. Пришли, как всегда, рано. Потолклись там и стали одеваться. Оказывается, Гуля серьезно не болен, только немножко хрипит, он, может быть, придет завтра. Новый Салтан роль знает очень плохо, ну, это и понятно, ведь в один раз не выучить. Играли мы лучше, чем в среду. Теперь все уже приготовили для представления, все стулья обили коврами. <нрзб> все еще не успели сделать себе кокошники. Ляле и Сереже всего больше понравилось на острове. Сегодня вообще все пели лучше. Только лучше бы было, если Гуля играл бы царя Салтана.

Воскресенье. 18-го декабря 1916 г. Москва

Сегодня у нас генеральная репетиция. Пришли мы, оделись. Потом я пошла в комнату, где стоит рояль. Там сидела и Степанова с Надеждой Яковлевной, потом пришел папа. Поговорил с Надеждой Яковлевной, потом пошел в залу. Представление началось. Гуля сегодня пришел, весь закутанный. Вступление у нас прошло хорошо. Первое действие тоже. Только во вступлении у меня чуть было не свалилась

прялка, ее там из первых рядов поддержали, а в 1-ом действии, когда открывали занавес, повалили пяльцы. Маруся сегодня пела не ахти как важно. В третьем действии корабельщики пели не вместе, и царь Салтан очень тихо пел, ну, это и понятно, он еще хрипит. В последнем [действии] все почти было хорошо, только Сима спела слишком низко «мама, вижу корабли».

Понедельник, 19-го декабря 1916 г. Москва

Сегодня у нас спектакль. Мы пришли самые первые. Маруся ночевала здесь. Потом пришел Гуля. Его, бедненького, ужасно закутали, только маленькую дырочку для глаза оставили. Декораторы наши еще не пришли, хотя им нужно было бы пораньше придти, потому что занавес сломался. Потом начал собираться народ. Мы пошли переодеваться. Переодевшись, я пошла в другую комнату. У нас сегодня спектакль прошел не очень хорошо. Во-первых, слетела перед самым началом декорация, пришлось ждать, потом Миша Добровольский (дьяк) прошел, задел за шнур и уронил лампу, но ничего, она не разбилась. У Надежды Яковлевны болела голова. Начали. У меня сломалась прялка. Когда Гуля вошел, у меня она свалилась. Переоделась я живо. Началось 1 действие. Первые у нас выходят дьяки, потом я и Оля, дьяки мне кланяются. Я должна им отвечать. Вот я наклонила голову, у меня подвеса и отскочила. Потом все пошло ничего. Во втором действии Сима взяла стрелу и начала целиться, как раз за дверью стояла Маруся, она думала, что Сима в нее прямо будет стрелять, но она откинула стрелу, да так, что публика все заметила. Потом огонь зажгли раньше времени. Остальное все прошло хорошо. В 3 действии корабельщики пели опять не вместе. В 4 действии все шло хорошо. Только, когда Гуля пел «Где ж, скажи, твое дитя», под дверью пробежала кошка. Я старалась не смеяться, но потом не могла удержаться и фыркнула, да еще как громко. Потом нас угощали чаем, потом мы пошли домой.

11-го января 1917 года. Москва

У нас дядя Петя женится. Мы уже один раз видали его невесту. Она некрасивая, но очень милая, такая простая. У ней чудесная коса. Сегодня мы пошли наверх, там был дядя Петя со своей невестой. Венчаться они будут в Ташкенте. Дядя Петя поедет туда завтра, а Анна Ивановна приедет числа 25-го с дядей Леной. Я сперва не поверила, когда мне сказали эту новость.

Воскресенье. 15-го января 1917 г. Москва

Сегодня мы идем в Малый театр. Должно быть «В царстве скуки» и «Розалинда»¹¹, но Максимов заболел, и поставили «Василису Мелентьеву»¹². Мы видали ее в прошлый год, но в этом году играли некоторые лучше, например, Садовский и Яблочкина играли превосходно. Зато Айдаров очень невнятно говорил, а играл ничего. Царицу играла Найденова. В прошлом году ее играла Щепкина, и мне больше понравилось, как она играла, но у Найденовой лучше вышло, когда пришел Малюта, чем у Щепкиной. Она так гордо уселась на скамейку, и ей особенно удались эти слова: «Молчи холоп! Не смеешь ты царицу, не выслушав, перебивать». Садовский сегодня играл лучше, чем в прошлый год. Яблочкина тоже играла замечательно. У нее очень хорошо выходит сцена в саду. Мне очень тоже нравится сцена в царицыных покоях. В этом году эта сцена прошла лучше, чем в прошлом.

Садовский и Найденова в этой сцене играли всего лучше, особенно Садовский. А в последнем [действии] меня жуть брала. Ведь знаешь, что будет, а страшно. Очень было жалко, когда кончилось. Хорошо бы, на следующий раз был «Воевода».

Суббота. 4-го марта 1917 г. Москва

У нас в Москве революция. Началась она со вторника. Мы тогда в гимназии были. Когда объявили, то все прямо с ума сошли. Бегают, спрашивают у классных дам, можно ли идти домой. Некоторых отпустили. Это было как раз на большой перемене. У нас еще два урока: рукоделие и немецкий. По рукоделию все сперва не хотели шить. Но потом все же испугались рукоделки и взяли работы. По немецки фрейлейн не дали журнала. И попросили не вызывать, а что-нибудь читать. Здесь уступили. После уроков мне и Оле пришлось ждать папу. Наконец, пошли. Все эти дни мы не ходили в гимназию. Трамваи все остановились, извозчики не ездят, только автомобили разъезжают. Я наружу не выходила, но Шурка и папа все время шляются и приносят нам вести. Большинство студентов ходят с ружьями. Стреляли уже немного. Царь отрекся от престола, царевич лежит в кори, царицу, кажется, заперли где-то в Царском Селе. Всем почти памятникам воткнули в руки или куда-нибудь красные флаги. На улице все тоже ходят с красными бантами. Вчера мы дали Шурке красный бант. Вообще время очень интересное. Но теперь страшно все-таки выходить одной на улицу. Сегодня тетя Мотя, Шура и Володя пошли слушать манифест об отречении от престола на Красную площадь. Теперь вообще почти все происходит на Красной площади, на Тверской и, кажется, на Мясницкой.

Воскресенье. 19 марта 1917 г. Москва

Сегодня мы ходили в театр. У нас сошлись два театра. Большой и Малый. В Большом шел «Демон». В Малом – «Воевода»¹³. Я выбрала «Воеводу». Оля пошла в Большой. В Малый пошли m-elle, я, Ляля, Коля и Мура. В Большой – Оля, Надя Савостьянова, Володя и Сережа. Я очень люблю «Воеводу». Сколько раз я его читала. Эта первая пьеса, которую я взяла читать. Сегодня очень хорошо играли. Мы «Воеводу» видали в прошлом году. Артисты почти все те же были. Особенно хорошо играли Садовская и Садовский. Все остальные играли так себе. Полонский в прошлом году играл лучше. Очень смешно, когда Недвига путает сказки. Садовская притом так хорошо играет. Очень красиво этот сон. Как они плывут на лодке. И пели сегодня хорошо. О, если бы был талант, обязательно пошла бы на сцену. Ужасно люблю театр, а мне не везет, все время пропускаю. Самое красивое действие – это 1-ое, потом «У Бастрюкова». Грибунина очень хорошо изображает Настасью. Настоящая глупая (*глупая? грубая? – В.С.*) баба. Мне лучше понравилось, когда Марью играла Горбунова. У ней хорошенький голосок. Я думаю, что театр никогда не может надоесть, сколько ни ходи. Я готова хоть каждый день ходить. Я скоро пойду покупать еще карточки.

20 марта 1917 г. Москва

Я в субботу не ходила в гимназию, а оказывается, что произошла там очень интересная вещь. У нас из шкапа пропадают книги. И никто не сознается, что взял. А открыли, что книги ворует Борисова. Шарапова нашла у нее свою книгу. Борисова нарочно

вырвала страницу, где написана фамилия. Мне Борисова никогда не нравилась. Я прямо не знаю, как это она будет приходить в гимназию, сегодня она не была. Мария Аристарховна велела ей принести все книги. Сегодня мы писали по русски проверочную. Я, кажется, сносно написала. Барабанова сегодня не пришла. Уже наружи все почти стояло. Я сегодня ходила к портнихе. Там на улице прямо реки. Едва прошла. Тепло сейчас. Надо будет надевать драповое пальто. Сегодня было 10 градусов.

Пятница. 24 марта 1917 г. Москва

Сегодня распуск на Пасху. Распускают нас в 12 часов. Все три урока нам читали. Мы писали воззвание на досках для этого. Вот что Лебедева написала:

*Многоуважаемая Екатерина Николаевна!!!
Последний день –
Учиться лень.
Мы просим Вас
Прочеть рассказ
Свободные гражданки 4 пар. класса.*

«Свободные гражданки», которые даже и свою свободу не знают куда употребить. В пятом классе, например, все пришли с прическами, свобода!¹⁴ Екатерина Николаевна читала. По немецки написали так:
<Нрзб.>

Писала Крашенинникова и написала неверно, понятно. Фрейлейн поправила: вот как надо было бы:
<Нрзб.>

4 ошибки наделала. У нас сегодня история опять случилась. Всегда в нашем классе что-нибудь пропадает. Сегодня у Болховитиновой пропал кошелек. Все подозревали Лебедеву. Мария Аристарховна начала делать обыск. Ничего не нашли. По французски нам читали тоже. Она было начала спрашивать, да мы закричали, что читать. Кошелек оказался у Болховитиновой. Он у нее завалился в кальсоны. Она стала отряхаться, он и выпал. Потом нас повели прощаться к начальнице. Пришлось ждать. Она, оказывается, обедает. Наконец, вышла, «желаю всего хорошего», только и сказала. Некогда, вишь. А нам <нрзб.> целых полчаса. Потом распустили.

Пятница. 14-го апреля 1917 г. Москва

Сегодня мы идем в «Кривое зеркало»¹⁵. Там идет: «Эволюция дьявола»¹⁶, потом «Вечная танцовщица». Этого не было. Заменяли «Симфонией старого режима». И «Вельзар, король Визии»¹⁷.

«Эволюция дьявола» начинается так: Разговаривают сатана и добрый дух. Потом хваление сатане. Потом изображена церковь. Входит сатана в монашеской рясе и с четками. Садится на скамью. Приходит графиня. Она рассказывает свои грехи, и,

между тем, что она влюблена. Сатана дает ей порошок, чтобы подсыпать своему мужу. Потом она просит, чтобы он ее благословил. Он протянул руки и словно на рояли заиграл. Потом я уж хорошенько не помню. Помню только, что у сатаны была ведьма, она пришла тоже туда. Потом какие-то купцы, или евреи, деньги считают. Приходит сатана. Он очень прыгал хорошо. На стол легко вспрыгнул и ничего не повалил. Потом Сатане надоело ходить по миру, он сел в болото. Он все время завывал на Луну. Потом пришла ведьма. Она рассказывает, что была в городе, стояла в «хвосте» за сахаром. «Все в городе такие злющие, все к черту посылают». А Сатана радуется. Сюда приезжает купец. Он предлагает Сатане стать его секретарем. Сатана соглашается. Он просит взять с собой свою ведьму, «потому что с некоторых пор имеет склонности к семейной жизни». Купец позволяет. Они приезжают в ресторан. Там сидят какие-то подозрительные личности. Купец подсаживается к ним. Сатана даже и не знал, что происходит. И все время попадал не туда, куда нужно. Когда он узнал, что война с Германией, он говорит: «Хорошо бы проникнуть во вражеский стан и там устроить голод, напустить чуму. Но только как это сделать?» А купец говорит: «Зачем во вражеской земле, мы и здесь все припрячем, а когда есть нечего, то каждый готов отца родного убить из-за куска хлеба». Сатана спрашивает: «Как, неужели здесь, на родине? Да как же это будет называться?» Купец: «Это называется посильная помощь родине в минуту трудности». Сатана прямо пугается, что это за люди! Когда они все уходят, кроме сатаны, он говорит: «Да разве это люди? – это черти, настоящие черти. Куда делось творение Божие? Да какая же моя роль здесь?» Потом он пятится назад и кричит: «Чур меня, чур меня, чур, чур, чур». Этим кончается. Я привела здесь только некоторые слова монолога Сатаны, все, понятно, не запомнить. Я так думаю, что Сатана, под конец, так научил людей злу, что они его самого перещеголяли. Потом шла «Симфония старого режима». Открывается занавес: представлен оркестр. Там играют, один поет: «иду за хлебом, иду за булочками к Филиппову, Астархову», и хор подхватывает «хвост». И вот все в таком духе. Потом шел «Вельзар, король Визии».

Сперва вышел Снегов и прочел там вроде предисловия, показал портрет Шекспира¹⁸ или, как его там. Но самое смешное это вот: «Я прошу почтить его память вставанием по концу представления». Это значит: вставляйте и убирайтесь вон. Содержание такое: принц привез в ту страну сестру свою Сильворозу. Король влюбился в нее, но король женат. Королева ревнует его и все бежит за ним. У короля была любовница Мадрина. Король ее разлюбил и написал такой указ, чтобы Мадрину увезли в Швецию и там убили. Сильвороза хочет сделаться королевой. У нее есть сообщники. Они клянутся ей в верности на мечях. Они решили подложить королеве иголку с ядом. Королева заменяет имя Мадрины в указе именем Сильворозы, потом кладет в питье усыпительное зелье, чтобы король заснул на то время. Потом она надевает парик и шаль Сильворозы и является под ее именем к королю на свидание. Король не узнает королевы и признается в любви мнимой Сильворозе. Сильворозу не любит народ. И королеву народ убивает, думая, что это Сильвороза. Когда докладывают об этом королю, он очень рад и заявляет принцу: «Я женюсь на твоей сестре». Принц согласен. Вдруг входит воин и говорит: «По приказанию Вашему принцесса Сильвороза благополучно прибыла в Швецию и там умертвлена». Принц восклицает: «Зверь». Они борются на

шпагах (словно ножи точат). Принц убивает короля и всех, кто ни войдет сюда. Вдруг становится темно, и появляется принцесса Сильвороза и говорит: «Коли всех и помни обо мне», и исчезает. Снова светло. Принц начинает еще ожесточеннее колоть всех, но, наконец, сам накалывается на иголку и умирает. Когда закрывалась занавес, то половина артистов осталась перед публикой. Они скорее покатались под занавес. Очень король был хороший. Тонкие такие ноги в красных чулках, картонная корона, и ходит, голову склонив на сторону. Принц, когда выходил, встретил человека и говорит: «А, старый друг мой, старый друг». А тот говорит: «Что Вы, Ваше высочество, какой же я старый, а Вы все: старый, старый. У меня от Ваших слов волосы седеют». Принц: «Когда мы с тобой познакомились, тебе было пятнадцать лет». Человек: «Да». «А когда ты кончил гимназию, сколько тебе было?» – «Двадцать». – «Пятнадцать да двадцать, тридцать пять! Да еще мы не видались с тобой тридцать пять лет. Это будет пятьдесят, да еще тридцать, это будет восемьдесят, да еще пятьдесят, это будет сто тридцать. Сто тридцать лет». Потом, когда пришла Сильвороза, он к ней на коленках пополз и замарал их. Королева все время рычала так «гр...у» вроде что-то. Вообще очень смешная эта последняя пьеса. Надо, когда мы кончим учение, пойти в мой «банк» и спросить, нет ли чего-нибудь из «Кривого зеркала». Мы кончаем 29-го. Это уже известно.

6-го мая 1917 г. Москва

Сегодня я кончила трилогию Мережковского «Христос и Антихрист»¹⁹. Очень интересно. «Юлиан Отступник» не так интересно, а остальные две интересны. В «Антихристе» Алексей говорит: «Кровь сына, кровь русских царей на плаху ты первый прольешь. И падет сия кровь от главы на голову, до последних царей и погибнет весь род наш в крови. За тебя накажет Бог Россию».

Здесь прямо пророчество на теперешние дни. «И погибнет весь род наш в крови...» Здесь прямо указывается на революцию. Ведь в Петрограде скольких убили. В крови прикончилось царствование дома Романовых. «За тебя накажет Бог Россию». Здесь тоже, по-моему, указывается на бедственное положение России, но почему Мережковский мог предчувствовать это. Может быть, это и неверно, но мне так кажется. «Леонардо да Винчи». Я не понимаю, почему здесь шабаш ведьм. Ведь это наяву не бывает, только сказка. А здесь есть. Потом в «Тайной вечери» лицо Христа казалось диковинно схожим с лицом Антихриста. Почему так думал Мережковский, что Антихрист похож лицом на Христа. Мне кажется, что это совершенно разные лица. Потом я не верю, чтобы Петр Великий был такой, ведь там грязи, грязи не оберешься... Теперь у нас такое ужасное время. Я не могу подумать, что будет, если заключат мир с немцами. Ведь это позор²⁰. Говорят, солдаты бегут с фронта, никакой дисциплины. При старом правительстве было лучше, чем при новом. Теперь даже хлеба нет. Россия хлебная страна, и вдруг его нету, понятно, это проклятые купцы, которые все прячут. Сегодня идет снег, это 6-го мая-то.

27-го мая 1917 г. Толша

Мы уже неделю, как в Толше²¹. Очень красивое здесь местоположение. Сирени очень много. Все кусты в цветах. Дом очень похож на старый, помещичий дом, ну,

ведь ему и есть лет 80. Мы сегодня играли в крокет. Я сделалась разбойником, у Оли один шар проходил последние воротца, а один был уже разбойником и убился об мой, а Ляля только еще проходил Мышеловку в первый раз. Мы уже думали, что все кончено, нас обыграла Оля, но у нее шар засел в мышеловку, и Ляля ходил все время один. И мы выиграла, ведь это чудо. Играем мы, конечно, неверно, но все же. Вчера мы сидели в столовой до пол часа одиннадцатого и разговаривали, сперва о театрах, потом о политике. Мы, понятно, в политике очень мало смыслим, но поспорить очень интересно. О театрах я очень люблю разговаривать.

12 мая (очевидно, ошибка; надо: «июня» – В.С.) 1917 г. Толша

Сегодня Оля, я, Ляля и Володя встречали восход солнца. Мы сидели сперва на нижней террасе. Все время пели. Володюшка поколотил Лялю за то, что он начал насмехаться над Игорем Северяниным. Это мы всегда, когда хотим его подразнить, начинаем вспоминать Игоря Северянина. Мне он не нравится. По-моему, у него очень ярко все написано и на иностранный вид. Потом мы ушли на верхний балкон, а Володя остался на нижнем. Мы хотели его напугать. Начали погромче рассказывать всякие страсти. Оля рассказала, будто бы у Алексеевых (бывший хозяин Толши) существовало такое поверие: бабушка его проходила в гостиной мимо окон, вся в белом и со свечей. Все это она выдумала, понятно. Оля хотела нарядиться и пройтись за покойную бабушку. Володюшка ведь трус ужасный, но мы побоялись привести в исполнение наш план, потому что вдруг с ним что-нибудь случится. Солнце всходило плохо. После восхода мы хотели сперва идти за земляничкой, но потом раздумали. И легли спать. Володя не пустил Лялю в свою комнату, а идти вниз Ляля не хотел, потому что боялся разбудить всех. Мы его уложили между наших дверей. Подложили одеяло. Он закутался в сенной мешок и заснул так. Спали очень хорошо. Вечером мы пошли с соседками гулять. Они очень милые. Мы ходили к Федотовке. Это имение было артистки Федотовой, какой-то помещик подарил ей²². У нее было одно место, где она любила смотреть на Оку, а наследники, разозлившись, на зло ей, посадили прямо лес. Оля, Лида, Ляля и Сережа зашли за изгородь и там уселись на скамеечке, а как раз помещицы увидели. Мы ушли от них и ждем, что будет, а помещицы прямо к ним идут. Мы уселись на бревнах, вдруг видим: бегут они все к нам, оказывается, те, как стали подходить, то заговорили, они скорей из загородки да бегом прямо к нам. Я бы не желала очутиться в этом положении. Они пили у нас чай и только в 12 часов разошлись.

15-го июня 1917 г. Толша

Сегодня папины именины. Я встала из-за этого в пол часа восьмого. Я украшаю колонны в столовой цветами на именины. Денек стоит сегодня скверный. Дождь идет почти все время. Мы сегодня хотели идти к Родионовым, да не пришлось из-за погоды. Вчера были Величкины. Просидели до пол часа двенадцатого. Меня очень интересует, что будет с Россией; неужели возьмут немцы. А если возьмут, что с нами будет? Будем мы жить как теперь или нет. Россию спасти может только чудо. Сейчас ведь такая разруха идет. Мы, по-моему, не можем жить без царя – у нас ничего не выходит. Мы уж такой народ. Мы хотели собезьяничать, ан ничего и не вышло. Можно сюда применить басню, как мартышка хотела трудиться над

чурбаном. Да потом сейчас нам нужна крепкая рука, чтобы поправить все. Вот если бы Петр Великий был, дело было бы совершенно другое. Но солдаты ведь сами говорили, что надо кончить войну, узнать, какой конец будет, а теперь сами бегут с фронта. Потом министры все уходят. Скоро останется только один Керенский, а, может быть, и никого. Прочла сегодня Тургенева «Первая любовь» и «Фауст». Мне, когда было лет 10, думалось, что Тургенев ужасно скучный, не знаю почему; я даже не читала ничего. Я, положим, теперь очень мало его читала. Из больших – «Дворянское гнездо» и «Рудин». Потом несколько средних и «Записки охотника». «Рудин» мне не очень понравился. Вот пьесы у Тургенева хорошие. Самые лучшие – «Где тонко, там и рвется» и «Месяц в деревне». Неужели это на весь июнь зарядил дождь. Это несносно.

6-го августа 1917 г. Толша

Сегодня мои рожденья. Колонны украсили рябиной, вышло очень красиво. К нам в понедельник приехали тетя Мотя и Володя. Завтра они едут. Утром приходили к нам Величкины. После чаю мы пошли к Начевкиным. Я у них уже второй раз. Мы в первый раз попали к ним совершенно случайно. Отправились кататься на лодке с Лидой. Дело было уже вечером, часов в 8 по-новому. Тетя Мотя всполошилась. Она боится воды. Не хотела пускать, но мы все-таки пошли. Лодка стоит под Начевкиными. Уключины нужно было взять у Начевкиных. Поднялись мы к ним. К нам присоединились еще Вера и Маруся. Пошли, а оказывается, что брат их уехал рыбу ловить и взял уключины. Начевкины пригласили нас к себе, мы пошли. Просидели у них до двенадцати часов. Потом пошли. Темно было ужас. Луны не было. Я два раза упала. Хохотали все время. Когда мы вошли к нам на двор, слышим трубят. Ну, думаем, ищут нас. Заорали в ответ. И, правда, нас искали, думали, что утонули. Видали у них замечательную трубу; правда, замечательна. Мы навели на ту сторону: на туровские церкви, на лодку «Чайку», на стадо и просто на берег. На том берегу видны раковины и следы. Показался нам Юрочка. По-моему, мальчик он как мальчик. Лялька говорит, что ему не дали двенадцати лет, а, по-моему, свободно, и он уж не так высок. Показывали нам снимки. У них очень хорошая тетушка. Такая добрая. Лицом она мне напоминает нашу немку, но ее я почему-то не люблю. Вот странно. Она очень милая, добрая, но я ее прямо иногда ненавижу. Теперь у меня такие чувства к m-elle; не могу иногда ее видеть. Вообще иностранцы. Плунуть бы на них и поступать с ними, как они с нами: учиться у них всему полезному, но чтобы к нам они не очень лезли²³.

Воскресенье, 27-го августа. Толша

Приезжали к нам вчера Фоворские (*может быть, Фаворские?* – В.С.). Я сон видала. Будто бы приехали к нам Фоворские, а как отъезжать стали, то учитель ее и слетел с лошади, очень здорово расшибся. Пришлось перенести его к нам. Вера Васильевна тоже у нас поселилась на время. Тетя Мотя ухаживала за Владимиром Владимировичем. Здесь дядя Петя почему-то также с Лидой появились. Вот в таком духе. Смешно. После обеда, часа в 3, пошли к Начевкиным. По дороге зашли к Величкиным, предложили Лиде идти с нами, ей нужно дочитать книгу, осталась. Стали спускаться от них, увидели, что по берегу скачут Фоворские.

Оля предполагала, что они идут к Начевкиным, и правда, догадалась. Пришли к Начевкиным, а они там, даже сама Анна Михайловна. Веселые очень Фоворские. Учитель все время надсмехается, особенно над ней. Я предполагаю, что скоро поженятся. Вечером зашли опять к Величкиным. Инна Валерьяновна уезжает в Петроград, дети останутся в Турове на зиму. Возвращались от них в 10 часов, а темно было страсть. Мы залезли в репейник. Шурка столовые часы пустил.

20 сентября 1917 г. Москва

Я сегодня шла в гимназию, звонили у Бориса и Глеба. Мне показалось, что, если перевести этот звон на слова, то будет «карапэт». Придет же в голову такая мысль. Читаю теперь Тургенева. У него все почти рассказы кончаются печально. Сегодня Евгений Иванович водил в сад рассматривать растения. Увязалась за нами собачонка. Потом с нами даже в класс пошла. По немецки писали проверочную. 18-го была у Надежды Яковлевны. Опять, кажется, начинаю ничего не знать. Наверное, Надежда Яковлевна ужасно не любит наши уроки, особенно мои, потому что приходим и ничего не знаем, Оля-то еще ничего, а я совершенно. Уже по утрам темно, не совсем еще, понятно. Вставать не хочется. M-elle у нас остается. Читаю теперь с мамой по немецки «Разбойников» Шиллера. Погода теперь ужасная стоит. Дождь почти каждый день.

25 сентября 1917 г. Москва

У нас сегодня история произошла с Евгением Ивановичем. Его урок после большой перемены. Мария Аристарховна как раз завтракала. Мы остались одни и как всегда баловались. Сироткина нарисовала на доске целующуюся парочку. Горина 2-ая донесла, что Евгений Иванович сегодня злой. Правда, вошел он в класс злющий. Смирнова преподнесла ему букет глухой крапивы, потому что мы учим цветы теперь, поднесла как обыкновенно с кривлянием. Евгений Иванович на нее и на нас раскричался, Смирнова ему ответила, он вышел из класса. Сперва он хотел уйти из нашего класса, потом решил остаться, только под тем условием, что мы будем вести себя хорошо. Я все-таки на стороне Евгения Ивановича. Он ведь нас предупреждал, что так быть может, ну, теперь и исполнил. Сегодня иду к Надежде Яковлевне. Выучила я ей плохо. Вообще я занимаюсь очень плохо. Скажу себе, нужно это сделать, а не сделаешь, лень. Лия теперь ходит в гимназию. Читаю теперь «Без догмата» Сенкевича.

1-го октября

Читаю теперь «Русскую историю» Соловьева. Я хочу хорошенько заняться русской историей. Потом возьму читать Карамзина. Никак не могу кончить «Без догмата». Вообще хочется прочитать многое. Скорее выучиться всему, а все подвигается так медленно. Еще читаю Пушкина, стихотворения и Бальмонта. Бальмонт мне не очень нравится. Понятно, слог, рифма у него прекрасные, но содержание да и стихи тоже какие-то приторные. Еще читаю Андерсена сказки. Вот у него сказки хорошие, занимательные. Жалко, что сегодня пропадает праздник. В четверг должен бы быть царский день, тоже пропадает. Я говорю, что надо на бывшие царские дни объявлять себя монархисткой и не ходить в гимназию. Недавно приехал Александр

Иванович с фронта. Говорит, что воевать мы уже не можем. Что было бы, если был у нас такой же человек, как Суворов, победили бы мы или нет? По-моему, победили. Ведь нам только и нужно хороших полководцев. Неужели России уже пришел конец. Неужели мы никогда не соберемся с мыслями и с силами. Организовали домовую комитет у нас. Вчера ржаную муку принесли с отрубями. Черный хлеб пекут или с отрубями, или с опилками. Белый хлеб иногда нельзя в рот взять. С M-elle читаю теперь "Serge Panine". Ничего, занимательно. У мамы вчера что-то глаз болел, теперь, слава Богу, ничего. Вчера была у Надежды Яковлевны. Сочиняли «Контрапункт». Она нам играла Листа, мелодекламацию на стихи А. Толстого «Слепой». Вчера наш «Молекула» (учитель географии) показывал туманные картины. Папа взял абонемент в Малый театр. Будут идти: «Волки и овцы», «Женитьба Бальзамина», «Ревизор» и «Таланты и поклонники». Мне очень хочется посмотреть «Ревизора» в Малом. Мы его видали у Корша²⁴. В Большой папа взял тоже. Шурка уехал в Толшу. Мама его отговаривала. Пишут в газетах, что в Тульской губернии начались погромы. Учю теперь сонату Моцарта. В некоторых местах мне она не нравится. Надежда Яковлевна все же надеется поставить «Царевну-лягушку», хотя наши сочинения подвигаются ужасно медленно. Я сочинять совершенно не умею, или умею да очень плохо. Погода сегодня стоит хорошая. Недавно Сироткина сочинила очень хорошее стихотворение «Осенний день». История с Евгением Иванович[ем] кончилась благополучно. Прощение у него не просили. У нас новенькая – Беляева. Ой, завтра немка придет. Не люблю я ее. На мандолине мы теперь не играем. Говорят, что с русским человеком хорошо говорить только по одиночке, тогда кажется, лучше человека не найдешь, зато с толпой говорить невозможно. Толпа – зверь, так говорят папа, дядя Саня и Шурка.

Воскресенье. 8-го октября. Москва

Сегодня такое известие в газетах: присматривающий за Романовыми доносит, что около дома, где остановились Романовы собирается толпа и делаются мифистации (очевидно, манифестации – В. С.), был молебен с коленопреклонением и пением старого гимна. Поэтому предлагают Временному правительству перевести Романовых в менее населенное место. Это мне очень понравилось. Может быть, у нас скоро опять царь будет. Мама сегодня все время сердится. Сегодня собирались идти к Анне Николаевне, да ее дома не будет. Взяла читать Бунина. Соловьева все читаю, никак не могу даже первый том прочитать. Вчера были у Анны Алексеевны. Леля очень интересная становится. Говорит порядочно. Очень интересно они с Лялей представляют. Ляля спрашивает: «Вам чего нужно?» – Леля: «Муки». – «А у вас карточки есть?» – «Есть». – «Сколько?» – «Пять». – «Как пять, у вас только три». – «Нет, пять». Потом за столом ее спросишь, как надо сидеть, она сложит руки на живот. У Бальмонта в стихотворениях мысль выражена как-то неясно. Слог зато у него очень хороший и рифма тоже. Мы теперь мерзнем. Вчера было 2 градуса холода. Сегодня на нуле. Но очень сегодня хорошая погода. Небо голубое, солнышко, а деревья в инее. Бунин мне нравится, у него, правда, рассказы очень печальные, но они задушевные какие-то. Принесли сегодня печку. Взяла еще читать «Русскую историю» Ключевского. Володя взял билет в Драматический театр на «Павла I». В среду пойдём.

Понедельник. 9-го октября 1917 г. Москва

Сегодня у нас новость. Нашу гимназию хотят взять под министерство какое-то, а нас перевести на юг. Мы сперва все возмутились, а потом развеселились. Сироткина нарисовала наше переселение так: грузовой автомобиль. Наверху стоят девочки и Евг[ений] Иван[ович]. Внутри автомобиля стулья, парты, и здесь же сидит Катерина Михайловна (алгебра). На подножке сидит Любовь Валерьяновна. Мы все расхохотались. Потом нарисовали карикатуру²⁵ на Керенского. Но все-таки ведь это безобразие, наше переселение, мы учились, учились, а тут петроградские наехали и – «здравствуйте», им место освобождать. Вот сегодня будет на этот счет заседание родителей, педагогов и начальства. Завтра, наверное, этот вопрос решится.

Среда. 11 октября 1917 г. Москва

В гимназии нас пока оставляют. У нас успокоились. Сегодня была в театре на «Павле I». Володя нам взял билеты. Мама сегодня не в духе. Она не захотела пускать нас одних, и пришлось или остаться, я пошла с папой. Очень интересно. Первая сцена: декорация была под картину, когда парад при Павле. Павел был все-таки похож, а Александр и Константин нет, особенно Константин, слишком красив. Вот Нароков (граф Пален) играл очень хорошо. Мне он всего больше понравился. Я не люблю пьес, в которых убивают, а здесь еще такая страшная обстановка, положим, что я, страшная, не знаю как сказать, ну, предчувствуешь что-то темное. У меня всегда в таких сценах ужасно бьется сердце. Певцов (Павел) играл тоже хорошо. Он понял Павла. Вот Марию Федоровну я представляла другой. Все же в Павле, кажется, было много хороших сторон. Последнее действие выпустили. Еще очень хорошая сцена заговора. Живо очень поставлена. Она напоминает теперешние митинги. В одном углу говорят об судьбе России, а в другом – о сущих пустяках. Мне очень понравилась пьеса. Жалко, что я не умею передать, что я чувствую. По истории мне доклад читать, я ужасно боюсь. Написала я плохо. Я вообще плохо пишу²⁶. Поставили печку. Русская история стоит на точке замерзания. Начали топить. Немка сегодня не пришла. Что бы было, если бы не Александр сел на престол, а Константин. Вообще меня интересует, что Константин с таким же трудом, как Александр, подписал приговор своему отцу или он не колебался бы. С m-elle взяла читать "Le barbier de Seville". В Большом театре у нас будут «Евгений Онегин», «Царская невеста», «Русалка», «Севильский цирюльник» и «Царь Салтан». Мне хочется посмотреть «Русалку».

Воскресенье. 15-го октября 1917 г. Москва

Сегодня были в Малом театре. Шли «Таланты и поклонники». Играли хорошо; мне только не очень понравилась Садовская 2-ая в [роли] Негиной. Она, по-моему, очень ломается; много всяких мелких движений; она играет. Садовская, как всегда, хорошо играла. Читаю «Александр I» Мережковского. У Мережковского все вещи втягивают. Хочется читать, не отрываясь. Вечером были у Анны Николаевны. Мы с мамой разговорились, что детям учиться всегда лень. Мама сказала, что это только сперва, а потом, когда вырастешь, то явится и терпенье. Она сказала, что чело- века можно сравнить с лошадей, что, как только он втянется в жизнь, так и пойдет, как лошадь, которой сперва не хочется идти, а потом ничего, наляжется и пойдет.

Четверг. 19-го октября 1917 г. Москва

Сегодня по рисованию нам диктовали о перспективе. Там вот так было: «нашими глазами и нашим глазом». Кто-то спросил, почему здесь «нашим глазом», ведь довольно только «нашими глазами» сказать, а Крахт сказала, а у кого один глаз, как же тогда, только для этого случая. Вчера кончила «Мемуары» графини Головиной. Думали, что будет забастовка; но пока еще, слава Богу, нету. Но все-таки ожидают забастовки служащих в гимназии. Нам придется самим топить печи, живущим – готовить обед. Зашел сегодня разговор о хвостах, папа сказал, что теперь нужно говорить не «христолюбивое воинство», а «хвостолюбивое воинство». За ужином ели поросенка. По русски сегодня писали проверочную. По-моему, у нас республики быть не может, мы не самостоятельны очень, даже, по-моему, если мы будем, вся Россия будет просвещенная и то не может. Вот, например, на таких собраниях интеллигенции у них...

*(На этом обрывается сохранившаяся часть дневника Наташи Саводник.
Далее вырезано множество листов. – В.С.)*

Дневник Оли**1917 год****28 января. Суб[бота]**

Рождество прошло довольно весело, но не очень; жаль, что я не пошла 6-го на бал в Чернявском; все говорят, что было замечательно весело. Танцевали много. В Юру Казачкина влюблены все по уши; первые дни только о нем и говорили, как он хорошо танцевал (правда, он великолепно танцует); вообще славу Юрий Павлович пустил громадную по Чернявскому. Нужно его будет поздравить, как только встречу. У нас устраивается еще вечер-бал 8 фев[раля]. Нужно будет пойти, это ведь будет первый мой бал. Но как я буду танцевать, когда умею так плохо; ну да попрошу поучить меня Надю или Таню. Ну, перейду к сегодняшнему дню, да что и писать про него, ведь сегодня было только три урока. По немец[кому] писали классную (*нрзб. слово на нем. яз. – очевидно, о «Нибелунгах» – В.С.*), по русски начали учить Сумарокова. Да, вот что: мне предстоит на той неделе в субботу отвечать по русски все, что мы прошли, извольте видеть: «очень много пропускала», вот тебе и «знай, где раки зимуют». Сегодня предстоит идти к Брюсовой на общий урок. А на завтра я приглашала Катю Сурож; может быть, она даже и не придет, во всяком случае она мне сегодня позвонит.

10 февраля

Ну, где я вчера была, только вообразить, на бале, да на бале в Чернявском, который устроил родительский комитет; ничего – довольно весело было. Самый первый мой кавалер был какой-то кадет и довольно неуклюжий, затем Ильюша, это замечательный Ильюша, поклонник Шуры Цветковой. Бал кончился половина 12, и пришли мы домой в половина 2, потому что сидели в буфете и подъедали оставшееся. Ночевала я у Танечки.

5 марта

Ну и события переживаем мы, никогда не думала, что придется столько видеть и слышать. Революция, да, великая русская революция. Началась она 28 февраля, а в Петрограде и раньше. Очень все быстро и мирно обошлось, без всякого кровопролития. Государь отрекся от престола, и теперь у нас республика²⁷. Вчера на Красной площади был смотр войскам, и читали манифест, и т.д. Жаль, что я не была, да я не знала, а то бы непременно пошла, тетья с Шурой ушла, я и не видала. Была я недавно на Арбате – и просто большое гулянье; трамваи не ходят, такси гуляют по улице, автомобили ездят с солдатами, гимназистами, курсистками и т.д. Мальчишки кричат «ура» – одним словом, целое празднество и очень весело. Теперь целую неделю не буду ходить в училище, потому что в Черняв[ском] на четвертой неделе не учиться – говеем. Читаю я сейчас франц[узскую] книгу, которую дала мне Надя, – “Menidor” Le Luforest’a. Очень интересно, и я уже прочла 260 стран[иц].

9 мая

Целый день шел снег; ну, ни единой минуточки не переставал, вот уж нельзя подумать, что май; слава Богу, что мы еще не в деревне, там должно быть еще хуже. Сегодня притом скука непроходимая, делать ничего не хочется и сидеть, сложа руки, тоже не хочется, вот положение.

11 мая

Погода чудная. Собрались мы смотреть конфирмацию. Народу было много. Обстановка церкви мне очень понравилась, но служба ничего не стоит. Красиво еще белая одежда на девочках. После обеда пошли мы в зоологический; тепло, хорошо, я села и читала (? – В.С.), а Коля там путешествовал – и по Италии, и по зверинцу. Вот еще неприятность: у Шурки ухо заболело, нужно ухаживать. Мама ему поблажает, а он и командует нами, чтоб мы ему то принесли, то сделали (правда, он больной, нужно уж уважить его); да ведь он потом за все и спасибо не скажет, как будто это так и быть должно; вообще он относится к нам не как к сестрам, а как к каким-то горничным, рабам.

18 июня

Целый месяц прошел, как мы живем в Толше. Мне здесь очень нравится, да и не только мне одной, но и вообще все находят, что здесь очень хорошо. Погода стоит чудная, но гуляем мы мало, я совершенно не могу гулять в жару, а у нас жара доходила до 42. Собирались мы отправиться завтра в Каширу на ярмарку. Шурка и говорит: «Хотя я здесь и не хозяин, но лошадей велю вам не давать, пока не приедет папаша». А.А. сказала, что нужно отложить поездку, а то вдруг выйдет скандал, мы велим закладывать лошадей, а Шурка прикажет распрягать. Вообще почему, почему он нам ни один раз не сделал никакого удовольствия; то ругает нас и жалуется на нас маме, то командует нами, как хочет. Господи! Разве братья бывают такие, разве они все презирают, не любят сестер. Разве Казачкин или Лобач-Жуч[енко] так же относятся к своим сестрам? Нет, я очень прекрасно знаю, что оба они любят их и не обращаются с ними, как Шурка с нами. Господи, почему ты не дал

нам хорошего доброго, любящего брата, а как бы я его любила! Я всеми силами старалась полюбить Шурку, найти в нем братскую любовь, защищала его, если на него нападали, но ничего из этого не вышло и ничего никогда не выйдет с его отношениями к нам, сестрам, я не могу его любить, а теперь, просто ужасно вымолвить, я начала его ненавидеть, презирать. В разговоре с ним я чувствую озлобление против него и теперь всем сердцем желаю, чтобы он уехал поскорей в Москву или даже на войну. О, Господи, прости меня, но, но я ведь не виновата – он заставляет питать к себе такие чувства. Ах! если бы он изменился, я бы с радостью полюбила и простила ему все. Дай Господи!

20 июня

Утром было ужасно жарко, и я никуда не ходила. После обеда решили идти купаться с А.А. Сережа просился, чтобы и его взяли, ну, во всяком случае, если он и пойдет, то я купаться ни за что не буду. Купаться не пошли – поднялся ветер. Вечером было скучновато, хотела пойти гулять с M-elle, а она уже ушла с Наташей. Вообще M-elle мне мстит за то, что я ее один раз обманула; это вышло вот как. Однажды пригласили нас соседки купаться, M-elle была очень рада, она давно желала пригласить для купанья соседок. Условились так, они должны были ждать нас до 2 часов. Я после обеда сидела в комнате M-elle, она от радости так и расплывалась. Около 2 я вдруг сказала, что не пойду купаться, она ужасно рассердилась и сказала, что так нельзя, «то Вы хотите, то не хотите», вообще рассердилась; вот за это она мне теперь и досаждала. Позову ее гулять – она отговаривается каким-нибудь предлогом, зову идти в гости к соседям – не идет; ну, мне на нее наплевать, не хочет – так не надо, а все-таки сегодня скучно было.

20 августа

Вот уже неделя, как А.А. с детьми уехала, но не знаю почему, но я как-то не замечаю ее отъезд. Вот еще неделя, и мы тоже уедем. В этом году мне ужасно хочется в Москву, так и тянет к мамочке поскорее, а ведь теперь в городе почти что нельзя жить – так все ужасно дорого, да, кроме того, ничего достать нельзя. Напр[имер], мамочка прислала нам изюму на пирог 2 ф[унта] – 6 р. 80 к, еще – 4 арш[ина] ластика на подвязки – 10 р.; ну не безобразия ли! А у нас в Толше благодать, картошки пропасть, хлеб свой и не ½ ф[унта], как в Москве, а сколько хочешь. Может быть, нам придется приехать зимой сюда, если еды в Москве не будет. Лето стало удивительное; а теперь стоит осень настоящая, вот уж два дня как холодно и идет дождь. Как-то мы выберемся отсюда, вот А.А. еле-еле доехала и с большим трудом нашла извозчика. Много хотелось сделать в это лето, да ничего не вышло, все отдыхала, вот теперь в последнюю неделю придется подогнать себя. Ах, как жалко, ужасно жалко, я ведь совсем позабыла играть на рояле, мыслимое ли дело – все лето не играть, но зато зимой буду наигрывать; хорошо, что нас мамочка принуждала учиться, когда мы не хотели, я ей очень благодарна, ведь хорошо научиться играть – это так хорошо. Целых 2 месяца, как я не дотрагивалась до дневника, так бы и пролежал еще, если бы я не захотела пописать франц[узские] глаголы, заданные на лето, а бумажка с ними лежит в нем; ну, так вот и приписала еще немного к моим запискам.

24 августа

Господи, как скучно! Дождь льет теперь уже без передышки, настоящая осенняя погода, и ветрище ужасный. В эту погоду только в Москве и быть, а тут, как нарочно, наш отъезд откладывается, потому что в Москве нечего есть, а во вторник, может быть, и ученые отложат до 17-[го]. Не знаю почему, но мне в этом году ужасно хочется поскорей в Москву. Вчера были Величкина и Ночевкина, разговор шел о современной литературе. Жаль, я ничего не могла сказать от себя, я ведь ничего не читала новых писателей, а нужно будет заняться, что ж отставать. Нужно идти вперед, пока возможно, мы и так уж отстали.

30 октября

Пальба идет без передышки, даже вчера вечером стреляли из больших орудий; ну вот, мы и тоже на войне. Все это по случаю восстания большевиков. Уж и собаки эти большевики, ведь только людей хотят перебить и уже порядочно перебили, вчера 70 человек, позавчера сколько-то²⁸. Интересно потом будет прочесть заметки о революции, я вдобавок приложу газету «Труд». У нас образовалась домовая охрана, и вот папа вчера еще дежурил, а Шура пойдет сегодня. Вчера вечером мне даже страшно стало, как палили из пушек. Когда-то все это кончится; наружу и носа нельзя показать.

31 октября. Утром

Сегодня довольно тихо; ну, а зато вчера много стреляли, в нашем переулке был бой и под конец большевиков оттеснили на Поварскую. Вчера один из наших охранников стрелял, потому что один юнкер просил ему помочь – у него не было патронов. Вечером вдруг потухло электричество, но сегодня опять горит – оказывается, что-то сломалось на станции.

10 ноября

Ужасные дни кончили[сь], что я говорю, может быть, еще и не кончились, может быть, настанут еще ужаснее, но во всяком случае стрельба прекратилась, так как наконец прекратилась междоусобная война. Теперь мы под властью «большевиков». Вот ужасные времена переживаю. Теперь Россия как будто куда-то провалилась и трудно ей будет выкарабкаться²⁹. Все несчастья обрушились на нее за раз и большевицкое правительство совсем ее погубит. А, впрочем, нужно надеяться, ведь большевики не продержатся долго, и к тому же скоро выборы в «учредительное собрание»; будем надеяться на лучшее³⁰.

13 ноября

Похороны жертв братоубийства. Бедные, бедные юнкера и студенты, такие еще молодые, вся жизнь у них была впереди, а уже умерли. Отпевание было у Большого Вознесения на Никитской. Служба исполнялась высшим духовенством, вообще похороны были чисто церковные, а не такие, какие были при похоронах красногвардейцев (эти были зарыты как собаки на Красной площади)³¹. В церкви я не была, невозможно было пробраться, а видала всю процессию при выносе. Всех гробов было 35, это были простые дощаные гробы, даже ничем не обитые, только

с большой веткой елки на крышке. Конечно, была масса студентов, вообще неинтеллигентных было мало. Дальше Никитской площади мы не ходили, но тети пошли и проводили до самого «Братского кладбища». Они рассказывали, что было все очень чинно и хорошо. Хоронить пришлось при свете факелов, так как уже было совсем темно, вообще похороны походили на погребения во времена первого христианства. Возвращались все вместе сцепившись, так как опасались нападения большевиков.

14 ноября

Так как у нас в доме установлено дежурство, то по этому поводу я должна сегодня дежурить от 5 до 8 утра, но я просила M-elle подежурить за меня, и она согласилась с большим удовольствием. Дежурства все время меняют, я должна была дежурить вчера от 9 до 12 ночи, но вечером пришел Владимир Кириллович Коге и предложил мне дежурить от 3 до 6 ночи, мне не позволили, а жалко – ведь я бы дежурила с В.К.; интересно, как бы мы с ним разговаривали, ведь я никогда не была одна с мужчинами, да и вообще не знаю молодежи мужского пола. Кстати, Коге очень интересный, все барышни нашего подъезда влюблены в него, исключая, конечно, меня.

31 ноября (так в дневнике! – В.С.)

Что сегодня такое особенное было? Ах да! К нам в институт привезли икону Иверской Божьей Матери и после молебна нас отпустили; таким образом, пропало 3 урока – вот дивно! Что на меня сегодня нашло, все время смеялась, хотя и знаю, что грешно в церкви смеяться, а не могу удержаться³², а здесь еще Катя с Танечкой смешат. Надина негодующе шипела на нас и обещалась выгнать вон. После уроков, возвращаясь домой, видали, как Володюшка дожидался Таню; он, как она рассказывала, и утром ее провожал. Интересно, что будет дальше. Завтра иду опять в концерт, там мы встретимся с Ночевкиными, приглашу их прийти в воскресенье и Надю Савостьянову тоже.

5 декабря

Сегодня день прошел очень благополучно. По алгебре делали проверочную, я сделала. От английского я, Таня, Надя Глинянова и Варя Кондратьева удрали и сидели за кафедрой в большом зале. На немецкий опоздали. Fraulein сказала свое «явка (? – В.С.) Саводник...» и оставила в покое, но я зато чуть не заснула на ее уроке. За Законом Бож[ьим] мы сидели опять-таки в кафедре в зале и слушали прекрасный аккомпанемент Алекс. Алекс., так как там был урок танцев. Должна была сегодня идти в концерт, но концерт отложили, вот жалость. Нужно учить уроки, но как-то не хочется; я теперь абсолютно ничего не учу, вот положение.

7 декабря

Вчера у нас было много гостей на именинах³³. Ко мне пришла Надя и осталась у нас ночевать. Только в 10 часов встрепенулись (?) мы, что уроки еще не учили; ну, просмотрели педагогику, прочли русский и оставили все в покое, а я очень довольна, что мы хоть прочли русский, так как меня Богушевская вызвала, ну,

да урок легкой – Карамзин; ничего, ответила. Вообще, как бы не взглянуть, но дела у меня идут хорошо, сегодня еще по педагогике «5» получила, по Закону – «5», по французск[ому] – “bien”, как хорошо, а уроки иной раз совсем и не читаешь. Но вот в понедельник предстоит писать классную по истории, которой я совсем не учила, пойду к Наде, она мне поможет, она ведь записывала, а я – ничего.

¹ Русский еженедельный журнал, популярный в буржуазной и мещанской среде. Издавался с конца 1869 г. по сентябрь 1918 г. в издательстве А.Ф. Маркса в Петербурге. В качестве литературных приложений к «Ниве» были изданы собрания сочинений многих русских и зарубежных писателей.

² Наташа Саводник, очевидно, путает, называя героиню понравившейся ей истории в одном случае Ниной Воронцовкой, а в другом – Ниной Воронцовой.

³ Издание рукописных журналов было распространенным явлением в семьях русской интеллигенции начала XX века. Ирина Александровна Паламарчук, двоюродная сестра Оли и Наташи Саводник, в конце 70-х гг. показывала мне один подобный рукописный журнал, который она выпускала с моей мамой (Галиной Андреевной Паламарчук) в середине 20-х гг., во время летнего пребывания в Никитском ботаническом саду, где работал мой дед Андрей Иванович Паламарчук.

⁴ Повесть Е.А. Аверьяновой «Иринкино счастье» была в те годы очень популярной.

⁵ Судя по дневникам Наташи и Оли Саводник, у них сложились удивительные, можно сказать – приятельские, отношения с гувернанткой-француженкой (M-elle). Девочки с удовольствием экзаменуют ее по русскому языку, шутивно разыгрывают, играют с ней в карты, и т.д.

⁶ Забавно выглядят оценки сестер Саводник игры знаменитых актеров (представителей семьи Садовских, О.А. Правдина, Е.И. Найденовой, А.А. Яблочкиной, В.Н. Пашенной и др.).

⁷ Роман «Царь-девица» Всеволода Сергеевича Соловьева (сына историка С.М. Соловьева) рассказывает о трагических событиях, происходивших в Москве в период восшествия на престол Петра Великого. В центре повествования царица Софья Алексеевна, сестра Петра.

⁸ Театр Зимина – частный оперный театр, созданный в 1904 г. в Москве С.И. Зиминим. В 1917 г. был национализирован, а в 1924 г. преобразован в филиал Большого театра.

⁹ Комедия А.Н. Островского (1865 г.).

¹⁰ Комедия-балет Мольера и М.А. Шарпантье (1673 г.).

¹¹ «В царстве скуки» – комедия Э. Пальерона, «Розалинда» – комедия Дж.М. Барри.

¹² «Василиса Мелентьева» – драма из эпохи Ивана Грозного, написанная А.Н. Островским в 1867 г. на основе неоконченной пьесы Степана Гедеонова.

¹³ «Воевода» («Сон на Волге») – комедия в стихах А.Н. Островского (1865 г.).

¹⁴ Великие социальные перемены иногда проявляются на бытовом уровне в анекдотической форме. Полученную в результате Февральской революции 1917 г. свободу девочки-гимназистки, ставшие «свободными гражданками», реализуют по-своему: отказываются отвечать на уроках, делают новые прически и т.п.

¹⁵ Театр миниатюр «Кривое зеркало» был создан в начале XX в. в Санкт-Петербурге. Театр не имел своего уникального названия до 1912 г., когда была выпущена книга известного поэта и публициста Александра Измайлова, заголовок которой был использован для названия заведения. Закрыт в конце 20-х гг.

¹⁶ «Эволюция дьявола» – пьеса Тэффи (1872–1952).

¹⁷ Пьеса П. Никольского.

¹⁸ В подлиннике – Шекспеара.

¹⁹ Знаменитая трилогия Д.С. Мережковского включает три романа: «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895 г.), «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901 г.) и «Антихрист. Петр и Алексей» (1904–1905 гг.).

²⁰ Поэтому и Брестский мир, заключенный 3 марта 1918 г. Советской Россией с Германией и ее союзниками, воспринимался многими русскими патриотами как предательство родины.

²¹ Родители Оли и Наташи Саводник купили небольшое имение в селе Толша, ныне находящемся в Ясногорском районе Тульской области.

²² Вероятно, речь идет о великой русской актрисе Гликерии Николаевне Федотовой (1846–1925).

²³ Поразительно, насколько слова юной Наташи Саводник об иностранцах напоминают распространенные в современной России суждения! Мало что изменилось за 99 лет...

²⁴ Театр Корша был основан в Москве в 1882 г. театральным предпринимателем Федором Адамовичем

Коршем. Открылся 30 августа 1885 г. После 1917 г. несколько раз преобразовывался и был окончательно закрыт в 1933 г.

²⁵ В подлиннике: крикатура.

²⁶ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и Наташа, и Оля Саводник часто отзываются о своих способностях, о собственной внешности весьма негативно, порой – даже уничижительно.

²⁷ Поражает то обстоятельство, как изменились взгляды Оли Саводник за два с половиной года. В своем дневнике 9 августа 1914 г. она писала: «Я очень люблю Государя и готова умереть за него». А в начале марта 1917 г. Оля с едва скрываемой радостью пишет о том, что «государь отрекся от престола».

²⁸ Очень характерное суждение о большевистском перевороте. Возможно, юная Оля Саводник повторяет высказывания взрослых.

²⁹ Можно вспомнить книги И.А. Бунина «Окаянные дни» и гораздо позже написанные воспоминания О.В. Волкова «Погружение во тьму». Сами названия этих книг весьма характерны.

³⁰ Ложные надежды: большевики продержались более 70 лет, а Учредительное собрание было разогнано утром 6(19) января 1918 г., прозаседав один (!) день.

³¹ Поражает непосредственная оценка похорон без соблюдения церковного обряда.

³² Отношение Оли и Наташи Саводник к религии, судя по дневникам, не выходило за рамки сложившейся в русском обществе традиции. Они не были атеистами, но и не были склонны к религиозной экзальтации.

³³ Как известно, в русском обществе традиционно праздновали именины, а не день рождения. Как пишут некоторые мемуаристы, приглашение «на день рождения» свидетельствовало о принадлежности приглашающего не к православной, а к иным (евангелической, иудейской) конфессиям.